

Феликс Кохрихт

И снится чудный сон Татьяне...

В нашем городе, где Пушкин – наше всё, зачин одной из знаковых глав романа в стихах «Евгений Онегин» настраивает читателей на таинственный, пожалуй, и мистический лад.

И хотя речь пойдет не о Лариной, а Тане Вербицкой – кстати, и она по происхождению дворянка, эта пушкинская строка представляется мне уместной при пересказе снов, которые довелось и ей, и мне испытать зимой прошлого и начала нынешнего года, когда приходилось выбиратья из ковида.

Сегодня, в марте 2021, когда должен выйти 84 номер альманаха, надеюсь, ситуация изменилась к лучшему, и наши смятенные и порой испуганные чувства могут по весне показаться чрезмерными... Если так, то и лучше.

Добавлю, что не мню себя ни Онегиным и ни Греминым, но и герой повести «Капитанская дочка» Петр Гринев тоже видел вещей сон, в котором ему привиделся Емельян Пугачев... Но, по правде говоря, мне ближе эльф Горчица из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Считаю необходимым предположить, что коннотация «чудный» применительно ко сну Татьяны означает не «какой хорошенький!», а принадлежность этих сновидений к чудесам...

Я, Феликс Кохрихт, сын Давида,
Татьяна – дочка Диомида,
Под этот самый Новый год
На пару вышли из ковида
В ответ на дружеский привет,
На пожеланья-поздравленья –

Сумбурный мир ковидных грез,
Температурные виденья.

31 декабря 2020

Пошли первые сутки с момента возвращения Тани домой
из инфекционной больницы.

...Роняет год багряный свой убор...
«Убор зловещий...» – шепчет странник вещей...
И мозг, подсевший на Волну, поспешно собирает вещи.
Решает, что мы Здесь оставим,
а что возьмем Туда с собой.
Туда, туда, где нету счастья,
а есть примат народовластья,
А значит – воля и покой, и все должно быть под рукой.
И по сценарию ковида мы с простодушием Кандида
слегка меняем интерьер.
Для постмодерна в пандемию Мольер –
вполне себе пример.
...Глядим: на улицах Мадрида танцует с Гойей Модельер.
Была бы рифма хороша, но он –
любитель антраша, все наряжает Балерину...
И мы несемся над Берлином,
где злые ковид-диссиденты
Приносят фрау Канцлерин пренеприятные моменты...
Над обезлюдевшим Ламаншем
мы дальнобойщикам помашем...
Казалось – торная дорога, но все же мучит нас тревога...
А вдруг как Цукерберг задумал
(Фейсбук не врет, само собой) –
Возьмет однажды и случится тот самый, блин,
системный сбой.
Свернется вдруг пространство-время,
и в нем застрянем мы с тобой...
А дома уж томится кошка: мы утром обещали ей,
что улетаем понарошку...
Пора вернуться нам домой: летим над темною водой.

И вот уже рассеян мрак, и красным глазом
нас встречает всем помогающий маяк.

Кудрявый Пушкин, томный Дюк
и с «Тигра» поднятая пушка –

То безопасности подушка.
Уверен – все наверняка сменяют Крысу на Быка.
Ему поверим мы. Пока.
У нас не будет оливье, и я неважный сомелье,
Но в узком-узком междудомье моргает море,
блик залетный крадется робко по стене.
И столько света, что в окне...

Прошло всего два жизни года –
И нет того уж небосвода.
Но Тютчев и Конфуций – живы,
И нет другой альтернативы.

В ночь на Рождество, 7 января 2021

На Тютчеве схлестнулись мы...

Напомню, что тогда, беспечно пребывая в Вене,
Мы, словно на имперской сцене, в кафе,
Чье имя «Захер», услышанное в первый раз,
Душе простой сулит стремленье немедленно уйти в отказ...
В то день послал нам Рок китайца...
Ах, рифма, что ты делаешь со мной!
Но вспомнил Дюрерова Зайца и укротил системный сбой...
То был профессор из Уханя по имени, представьте, Луй.
Но я прикрикнул: «Не балуй!» – и тот в ответ:
«Зови меня сегодня Ваня».
На Тютчеве схлестнулись мы:
На том, блажен ли тот, кто вот, как мы, живет
В минуты мира роковые.
«У нас есть тоже всеблагие, но, блин, они совсем иные», –
свой тезис Ваня укрепил, ликером «Моцартом» запил.

«Вот, скажем, наш Отец-Конфуций,
он против битв и революций».
Я был тогда турист нахальный,
Шенген мне голову вскружил,
И я потратил много сил, и, словно Тютчев благородный,
в воображенье воспарил...
Но столь упрямого китайца ни так, ни сяк не убедил.

Прошло всего-то два-то года...

....Прошло всего-то два-то года с тех, в общем-то,
беспечных пор,
И, кажется, сама природа
вмешалась в наш кофейный спор.
И я при остром интересе сижу в локдауне в Одессе,
Где, хорохорясь, чуть для вида, недавно выполз из ковида.
Уверен, что профессор Луй –
известный в мире вирусолог...
И тут мой ослабевший мозг на время опускает полог...
И снится мне, что из Уханя рукою машет просто Ваня.
И вещий голос говорит – надеюсь, Таня подтвердит:
«Мол, вирус улетит на Марс и там скончается на раз
От очень жестких излучений...»
И в этом – никаких сомнений.
На то из горних сих высот придет благое извещение*.
И Тютчев воспарит на пир, и улыбнется нам Конфуций...
И на Земле наступит мир аннексий без и контрибуций!

* В ночь на Рождество, 7 января, поступило первое извещение: «Как только зныщимо мы вирус, в Одессу к нам вернется чирус».